

Наверное, отныне публицисты газет и журналов будут называть Башкирию страной Айгуль. С откровенной нежностью, с жаром пылкого любовника признался драматург в своей любви к ней и, ничуть не поступаясь объективностью, воссоздал ее возвышенный образ. Эту страну можно найти на карте, но точные координаты ее — верное сердце патриота. Темой драмы «Страна Айгуль», идеей, смыслом, обнаженно проповедуемым заветом стали любовь к социалистической родине. И эта любовь не сладкая песня. В самом общем определении она — в словах Ягафара Муратшина, адресованных итальянскому мукоболу Пиккио: «Все горести, черные беды, кровавые слезы — все наши. А коли страдания наши, значит, и слезы облегчения свои». Так что, драма «Страна Айгуль» — вовсе не повесть об отторгнутом от родины человеке. Совсем обратное. Она полна действительной мечты о совершенном человеке, влюбленностью в наш обновляющийся мир, мыслью об ответственности людей перед людьми и — уже шире — перед державной отчизной. И ее юная героиня, еще подросток, оказавшийся перед выбором, который мог бы стать тяжким испытанием и для зрелого мужа, ответила на мечту поэта об идеальном характере.

Возраст героини драмы не случаен: Карим берет характер в становлении, проводит через испытания, чтобы взглянуть, как закаляется сталь человеческого духа. Это для нее, для Айгуль — ей и нам в

[Окончание. Нач.  
в №№ 277, 285].

назидание — разворачивается трагедия Зюльхабиры, распаивается память Муратшина и Ябагаева, высвечивается маленькое дно души Ильдара Гаянова, устраивается еще ряд больших и малых происшествий, составляющих и сложную структуру драмы, и крутые ступени опыта, доставшегося нашему современнику. А если мы чуточку больше, чем это допускает здравый смысл, поверим в метафоры драматурга, то обязательно увидим за милыми чертами очаровательной девушки изборожденное морщинами и шрамами лицо человека, уже через собственное сердце, через свою биографию пропустившего и крестный путь Муратшина, и падение Зюльхабиры, и заговор равнодушных Постороннего и Ябагаева, и невыплаканное горе солдатских вдов. Более, чем в любой другой пьесе Карима, в драме «Страна Айгуль» категорично определен внутренний образ, носитель идеи и художественно-аналитической целостности произведения, который мы можем назвать и голосом автора, и тем идеальным характером, что храним в себе.

Вот он-то является главным героем драмы. Это он перевоплощается в шестнадцатилетнюю Айгуль, чтобы обрести вместе с юностью пошатнувшееся было доверие к жизни. Ни Муратшин, отмежевывающий идеалы коммунизма от практического дела, ни кто другой из основных персонажей не могут стать олицетворением главной идеи произведения, потому что все они лишены невинности целостного и оптимистического восприятия действительности. Больше то-

го, в каждом из них в той или иной степени сидит Арыкбаев, то есть чувство зависимости от вещей и обстоятельств. А гордая Айгуль, своенравная Айгуль объявляет о праве и истинном призвании человека быть хозяином тех средств, ка-

строгой логикой духовного развития социалистического общества. Айгуль открывает нам наше истинное «я», последовательно и неуклонно расширяющее свою волю на природу, общество, средства преобразования действи-

## В «СТРАНЕ АЙГУЛЬ» (О ДРАМАТУРГИИ МУСТАЯ КАРИМА)

кие способствуют его самоутверждению, ибо сказано: мир никогда не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его.

Романтизм, романтическая драма, — пытается лукавить с нами Мустай Карим. Мы можем согласиться с ним, но только в том смысле, что самородки встречаются все же реже, чем россыпи золота. Между тем, постановщики пьесы в Башкирском академическом театре поверили автору на слово и создали спектакль, то и дело срывающийся на высокопарный лепет. Однако по существу событий драмы и поступков самой героини характер Айгуль — реализм в самом пристрастном проявлении. О каких преувеличениях может идти речь, если выбор этой девочки определен не склонностью к экзальтации, а

тельности. Айгуль персонифицирует подлинно коммунистический характер человека, выбирающего из всех возможностей существования — творческую, созидательную, революционную. Она не выбирает между матерью и родиной. Айгуль осознает и выверяет свои классовые чувства.

Мустай Карим, разворачивая свою многослойную драматургию, обращал взор на самые различные облики духовной прострации. В применении к Арыкбаеву мы назвали ее индифферентностью. В приложении к Танкабике она обернулась фатализмом. В драме «Страна Айгуль» тот же злой вибрион, угнездившийся в сознании Зюльхабиры, матери Айгуль, и некоторых других персонажей, может быть назван еще одним резким определением: ослабление чув-

ства классового идеала.

Я опускаю обзор характеристик, какими наделяет писатель Постороннего и Ябагаева, участвующих в конфликтах общества и мира лишь... молчанием; опускаю Ильдара Гаянова, Миляушу и Юзем — довольно плоских обывателей; даже Ягфар Муратшин, к которому искренне привязан автор и которого так крепко полюбил исполнитель роли в спектакле Башкирского академического театра Арслан Мубаряков, может подождать до следующего удобного повода. Между тем, все они, за исключением солдаток, в той или иной степени подвержены социальному ин-

пока добрый синьор Пиккио не приютил ее в своем доме и сердце... Так разве мы не разделим ее горя и бед? Разве мы не содрогнемся от жалости и ужаса перед жестокостями, летшими на ее плечи и грудь клеймом эсэсовского палача? А разве мы не вздохнем с облегчением, услышав о мирном исходе ее мученического пути, и не пожелаем Зюльхабике ее тихого счастья?.. Вот-вот, и тут вместе с инстинктивным порывом человеческого благоволения в наше сознание вползет мысль о том, что радости и печали всюду одни и те же, что людское счастье не знает ни кордонов, ни общественных формаций, ибо оно или есть, или его нет, что рыба ищет — где глубже, а человек — где лучше.

Но Айгуль говорит: нет. Ричард Галин вторит ей: нет. И бывшие подруги Зюльхабиры — эти великолепные создания ума, воображения, наблюдательности драматурга — по прямоте душевной выражаются энергичней, но тоже говорят: нет. Ибо Зюльхабира в бедах своих — жертва, в счастье своем — игрушка, и в целом — вещь, носимая по житейскому морю. Философия, олицетворяемая ею, — та же покорность раба. Айгуль отказывается не от матери, — Айгуль отказывается от мира, где человек — вещь; от общества, принцип которого — насилие; от нравственности, мерила которой — разновес кармана, кошелька, желудка...

«Страна Айгуль» на высокой патристической ноте завершает первый оборот спирали творчества Мустая Карима. В круге его внимания, охватившем тематически тридцать лет жизни нашего общества, наших людей, оказались крупные события и большие духовные проблемы времени. Он входил в них как боец, участвующий в сражении, рассматривал их составные части с беспристрастностью реалиста, объяснял и решал как коммунист с твердых позиций революционного мировоззрения.

С. САИТОВ.